Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Сладкая потеря невинности

Я проснулся оттого, что почувствовал внезапное облегчение. Облегчение было на-столько приятным, что я, ощупывая под собой мокрое место, нисколько не расстроился. Ка-кой-то новый специфический запах сразу отверг мысль о недержании, и я сладостно и тре-вожно начал анализировать произошедшее.

Несомненно, это поллюции. Скользкая вязкая жидкость — тому подтверждение.

Я тайком от родителей простирал и высушил простынь, радуясь своему открытию. Наконец-то, я созрел!

Я с любопытством и с каким-то другим интересом вывалил из штанин свой дубликат и расправил на ладони. Он сильно вырос и окреп. Его крупная невинная головка, свешива-ясь, горделиво покачивалась от внушительной тяжести.

Я откровенно любовался своим членом. Да, это уже был не писюн, а настоящий муж-ской член, которому позавидовал бы сам Казанова!

Я помешался на половом развитии: моя созревшая плоть не давала покоя. Меня каж-дый день преследовало и давило непонятное желание. Я своим природным умом, своим ра-зумом, своим рассудком осознал, что я — мужчина!..

Однажды, возбудившись, я вытащил свой член и принялся измерять его ученической линейкой, прикладывая то снизу, то сверху, и так увлекся, что не заметил, как в комнату во-шел отец.

— И сколько намерил? — спокойно спросил он, стоя за спиной.

Я вздрогнул и выронил линейку, торопливо спрятав торчащий член.

— Так сколько? — повторил он, глядя на меня добродушным взглядом. — Что мол-чишь? Или такой маленький, что стыдно сказать?!

— Девятнадцать!... — пробасил я.

— Всего?!

— С половиной...

— А-а, тогда ничего! — сказал серьезно отец и задумчиво добавил. — Да-а, уже боль-шой!... Вырос!... Летом поедешь в деревню, будешь помогать по хозяйству дедушке, нечего шалопайничать!... А у дедушки, сам понимаешь, здоровье уже не то, и работы там через край!..

Вот так, когда оставалось ровно год до окончания средней школы, у меня родилась идея посвятить последние летние каникулы любимому дедушке.

Я приехал в деревню в самый разгар сельскохозяйственных работ, когда надо было запасаться на зиму сеном: косить, сушить, перевозить, стоговать. В эти дни, если честно, моя юношеская похоть отсутствовала напрочь. Я даже перестал видеть сны. Только засыпал, как дед уже расталкивал, чтобы опять ехать на сочные высокие травы. Мне показалось, что дед решил запастись сеном на всю деревню, и, когда я захотел высказаться об этом вслух, он, потирая шершавыми ладонями, наконец обрадовал меня:

— Все, внучек! Это последняя партия! Теперь нам хватит! Славно поработали!... А ты и взаправду большой стал! И сила у тебя, слава Богу, есть!..

В награду за мое трудолюбие дед разрешил мне отдаться деревенскому безделью. Я охотно рыбачил, ходил в лес за грибами и ягодами, лазил по садам и огородам. И скоро, од-нако,

стал было скучать, подумывая, не возвратиться ли домой, как появилась она.
Ее звали Таня. Она была старше меня на семь лет. Муж ее в это время служил офи-цером где-то на севере, и Таня, защитив диплом, она училась в институте, по пути к нему за-ехала на недельку в деревню. Она считалась дедушкиной племянницей, а, значит, мне — те-тей.
И тетя Таня, просто Таня была не только молодая, но и довольно интересная женщи-на. Я, как увидел ее, так сразу перестал скучать. Когда она не смотрела на меня, я буквально пожирал ее стройную фигуру. Но все равно Таня как-то чувствовала мой страстный разде-вающий взгляд и, как мне казалось, специально делала небрежные движения, чтобы осле-пить меня скрытыми под халатом прелестями.
В тот момент, когда выхватывалось красивое бедро или совершенная тяжелая грудь, я испытывал ужасное волнение, и она, поймав мой взгляд, кокетливо улыбалась, чем трево-жила меня еще сильнее. Моя взбесившаяся плоть бессовестно рвалась из штанов. О, Боже, я просто не знал, как унять кипящую страсть, достигшую невыносимого предела: я начал уже сам выпариваться, постепенно превращаясь в очумелого страдальца.
Таня видела и понимала это, и ей это, по-видимому, доставляло огромное наслажде-ние. Она как только не изощрялась, дразня меня красивой наготой молодого соблазнитель-ного тела.
И вот накануне отъезда Таня решила постирать белье, помыться и, вообще, привести себя в порядок. Дед вечерком нарубил дрова и в деревянной баньке затопил печку. Меня же заставил натаскать воды в железную бочку, стоявшую возле чугунного котла, вмонтирован-ного прямо в саму печь. Жаркие потрескивающие языки пламени жадно облизывали закоп-ченную стенку котла, заполненного кипящей водой, и убегали вверх через дымовую трубу. Помещение бани превратилось в настоящую парилку. Я представил себе, как голая распа-ренная Таня будет одиноко сидеть на лавке, обтираясь полотенцем и возбужденно фыркая, и мне сделалось ужасно тоскливо. Особенно это почувствовалось, когда я вспомнил, что зав-тра она уедет к своему мужу, и я никогда ее не увижу. Я был влюблен в Таню, и она меня волновала как женщина. Из-за того, что она казалась мне не доступной, я чувствовал себя таким несчастным, что не хотелось жить.
Уже темнело. Я околачивался около бани и тосковал, наблюдая за мелькающим си-луэтом моющейся Тани. Тоненькая ветхая шторка, висевшая на маленьком окне, позволяла видеть все ее движения.
Вдруг шторка отодвинулась, и в окне появилось улыбающееся лицо. Она поманила меня рукой. У меня сильно забилось сердце, и я, волнуясь, со всех ног заспешил к ней.
— Миленький! — ласково пропела Таня, выглядывая из-за приоткрытой двери. — При-неси, пожалуйста, еще холодненькой водички, а то вся кончилась!
Когда она говорила, расправляя длинные слипшиеся волосы на округлой торчащей груди, на меня нечаянно глянул вытянутый темный сосок. Я вздрогнул, словно пронзенный током, и замер, тараща глаза. Таня же как ни в чем не бывало опять ласково улыбнулась мне и продолжила мягким голосом:
— Ты что, мой мальчик, молчишь? Голой тети никогда не видел?
Я бестолково пялил глаза и молчал, затаив дыхание.
— Ну, иди, иди, неси водички и заодно мне спинку потрешь!... Дедушка там чем зани-мается?... Желательно, чтобы он не видел...
От таких слов у меня помутнело в голове. Я, не соображая, понесся за водой. Но я хорошо помню, как Таня раздевала меня и сладко целовала влажным ртом в глаза, в нос, в губы,

лаская мою чувствительную кожу тонкими нежными пальчиками. Хотя в бане было жарко, меня трясло.

— Мой мальчик! — тихо говорила Таня, увлекая к лавочке. — Иди сюда! Садись и не волнуйся! Успокойся! Ну что ты, мой хороший!

Ее мягкий нежный голос действовал на меня, и я уже отвечал на поцелуи, жадно ловя ее вкусные персиковые губы. Она кокетливо улыбалась и дразнила, показывая розовый язык. Я поймал язык и засосал в рот, она принялась там хулиганить, щекоча внутри. Мне было очень приятно, и я трепетал.

— Таня, я люблю тебя! — лепетал я, давясь собственными словами. — Я женюсь на тебе! Я очень сильно люблю тебя!..

И я невольно почему-то расплакался, всхлипывая и пуская слюни, и обильные слезы потекли по моим щекам.

— Маленький мой! — прямо как мама говорила Таня и гладила меня по голове. — Я-то думала, что ты уже большой, а ты совсем маленький! Совсем ребеночек! Грудной! Хочешь сисю?... На, возьми, мой сладенький!..

И она по-настоящему всунула мне в рот твердый длинный сосок. Он оказался про-хладный и чуть-чуть солоноватый.

Я зачмокал, как грудной ребенок, и мне понравилось быть таким маленьким, и я, на-слаждаясь, с упоением втягивал сосок в рот. Таня, закрыв глаза, тяжело дышала, и я увидел, как ее изящная белая ручка скользнула по крутому бедру и мягко погрузилась пальчиками в волосяной покров низа живота. И, о чудо, набухший темный бутон раскрылся, словно цве-ток, обнажив коралловую сердцевину. Я затрепетал, как лист, и дотронулся до ее руки. Таня вздрогнула и взглянула затуманенным взором. Мой член вздыбился, и я стыдливо зажимал его ногой. Таня провела ладонью по моему бедру и раздвинула мне ноги, член выпрыгнул и принял вертикальное положение, упершись глянцевой головкой в пупок.

— А-а-а-а-а!... — застонала Таня, и ее мягкие пальчики побежали по моей промежности.

— Ложись, ложись! — возбужденно шептала она, раскладывая меня на лавке.

Я, повинуясь, лег спиной, только ноги свесились на деревянный пол. Она села в ногах на лавку и склонилась ко мне, прижимая упругими грудями восставший член. Я разволно-вался так, что почувствовал, как горячая сладкая волна, рожденная где-то внутри живота, подкатила к яичкам, и из меня вдруг выпрыснула прозрачно-белая жидкость. Струя попала ей на грудь, шею, подбородок и закапала мне на живот. Я испугался и тревожно посмотрел на Таню. Таня ласково улыбнулась и, вытянув руку, нежно погладила меня по голове.

— Ах, мой сладкий, какой ты прыткий! Ничего страшного!... Какая она у тебя прият-ная!... Прохладная!..

Таня, улыбаясь, принялась размазывать мою вязкую пахучую жидкость по всему телу, ее спокойный взгляд и уверенные действия успокаивали меня.

— Ты что такой испуганный? — ласково спросила она и придвинулась ко мне. — Маль-чик мой, сладкий мой! Ты так скрипел зубами! Тебе приятно было?..

— Да-а!... — стыдливо пробасил я и спрятал лицо на ее красивой груди.

Специфический запах моей чудесной жидкости возбуждал меня, и я вновь почувство-вал сладкое томление внизу живота. Мой член опять зашевелился и, увеличиваясь в размере, уперся в Танин плоский живот.

— О-о, мой сла-а-денький! — радостно пропела она и осторожно обхватила член мяг-кими

пальчиками. — Однако какой ты шустрик!..

Я не понимал, кому она говорила эти слова, мне или нагло торчащему члену, но все равно было приятно. Я, осмелев, ласкал обеими руками упругие Танины шары, легонько пощипывая твердые сосочки. Таня, млея, ласкала мои яички и твердый член. Моя пунцовая глянцевая головка набухла и стала круглая, как слива. Таня наклонилась, и моя спелая слива оказалась у ней во рту. Я испугался и дернулся. Таня вынула сливу и тревожно посмотрела на меня.

— Тебе так неприятно? — спросила она.

— Я не знаю, — робко сказал я, — ведь это... , — я не мог найти нужных слов и мямлил, — ну... в рот брать... противно, наверное?

— Дурачок! — просто и ласково сказала она. — Это же французская любовь! И так де-лают настоящие любовники!..

Я больше не напрягался, и Таня ласкала так, что у меня кружилась голова, и я даже, кажется, несколько раз терял сознание.

— Мальчик мой, сладенький мой! — целуя, страстно шептала она. — Хочешь стать муж-чиной?... Ты ведь больше не боишься?... Вот и хорошо!... Ты только не напрягайся и будь спо-коен! И не спеши, не кончай быстро!... Ты сейчас немножко отвлекись, думай о чем-нибудь другом! Хорошо?... Ну, вот и умничка!..

Я, развалясь на лавке, закрыл глаза и, слушаясь Таню, совсем отвлекся. Но я почувст-вовал, как моя твердая головка медленно погрузилась во что-то мягкое и уютное, и какая-то божественная теплота, вдруг охватившая весь низ, принесла мне необыкновенное ощуще-ние, доставляющее тягуче-сладостное облегчение. Я, раздираемый любопытством, открыл глаза. Таня сидела на мне и, упираясь руками о мою грудь, плавно двигала тазом. Мой воз-бужденный член, окаймленный темно-розовыми губками, словно поршень, то погружался в Таню, то появлялся. Она, чуть прикрыв глаза и стиснув зубы, тихонько стонала и с каждым толчком все сильнее и сильнее сжимала мою головку. Я почувствовал приближение мощной теплой волны, и меня охватил страх, что я преждевременно кончу, и я напрягся всем телом. Таня, находясь со мной в тесном контакте, уловила колебания и беспокойства, происходя-щие в моем организме. Она сразу ожила, заработав тазом в убыстренном темпе, и, глядя прямо мне в глаза, прерывистым страстным голосом зашептала:

— Мой сладенький!... Все... не сдерживай себя!... Кончай!... Все, кончай!... А-а-а-а-а!... О-о-о-о-о!..

Таня насадила себя до упора, сильно напряглась, задержав дыхание, и закружилась тазом на одном месте, уже что-то бессвязно бормоча про себя.

И в этот момент я почувствовал горячий всплеск, как будто внутри меня неожидан-но взорвался дремлющий вулкан, эпицентром которого явились мои набухшие яички.

— О-о-о-ой!... — закричал я не то от страха, не то от удовольствия, судорожно схватив круглые Танины ягодицы.

— О-о-о-о-о!... — вторила мне Таня, прижимаясь всем телом.

Потом я отключился. Наступило умопомрачение. Очнулся от прохладной струйки во-ды. Таня, ласково улыбаясь, поливала меня из ковшика и осторожно обмывала мое расслаб-ленное тело. Я с любовью следил за ней и, ничего не соображая, тоже улыбался.

— Мой мужчина! — серьезно сказала Таня и крепко поцеловала в губы. — Какой ты сладкий мальчик!... Нет-нет! Ты уже мужчина!... Ты сладкий мужчина!... Всегда, когда будешь

заниматься любовью с женщиной, давай ей возможность кончить, тогда всегда будешь лю-бим ею! Запомни это, мой сладкий мужчина, навсегда!..

Я не помню, как добрался до койки, меня шатало и мутило, но все равно было очень приятно. Лишь только коснулся постели, сразу уснул, обретя блаженный покой.

Проснулся от какого-то беспокойства, проникшая в душу тревога камнем давила на влюбленное сердце.

— Таня, Танечка моя! — мелькнуло в моей голове. — Она же уедет от меня, уедет насов-сем!..

Я быстро вскочил и выбежал во двор. Во дворе дед расправлял сети и развешивал на просушку.

— Деда, а где Таня? — тревожно спросил я.

— Таня? — спокойно переспросил дед. — Таня уже уехала!... Ты что, разве не знал? — и он хитро усмехнулся. — Она с тобой попрощалась, когда ты спал еще как убитый. Она поце-ловала тебя сонного в губы и сказала: пускай спит сладкий мужчина!..

И дед отвернулся, кряхтя и расправляя сеть дальше.